

Вчера, 12 февраля, вечером, в эфире на волнах «РАДИО-1» прозвучала заключительная, пятая, серия самого полного варианта публицистически-музыкального радиопередаваемого журналиста Тома ЕМЕЛЬЯНОВА «ЛОЖЬ И ПРАВДА О ФЕДОРЕ ШАЛЯПИНЕ НА ФОНЕ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917-го». За два с половиной года этот радиопередаваемый фильм прошел по центральным программам радио четырежды, обретая потрясающую почту со всех концов страны — от Москвы до Мурманска, Тюмени, Владивостока, Иркутска, Омска, Томска, Оренбурга, Волгограда, Краснодара — и несть им числа, городам, деревням, поселкам, бурно откликнувшимся на Правду о Федоре Шаляпине, о трагедии народа.

Сейчас журналист работает над первым в России радиопередаваемым, название которого вынесено в заголовке этого материала. По просьбе редакции Том Емельянов передал для публикации несколько фрагментов из своей новой работы (из сценария), которые мы и предлагаем читателям.

ВЕСНОЙ 1892 года 19-летний Сергей Рахманинов заканчивал Московскую консерваторию. Выпускникам по классу композиции предложили — каждому отдельно — сочинить одноактную оперу «Алеко» на либретто Вл. И. Немировича-Данченко по пушкинским «Цыганам». И с чего бы это задание так взбудоражило, зажгло жаром и трепетом душу Сергея? Софья Александровна Сатина, двоюродная сестра Сергея Васильевича (сама — личность, известная в научных кругах Европы и Америки), летописец жизни и творчества композитора рассказывала: «Ему неудержимо захотелось тут же, безотлагательно приступить к работе. Он помчался домой... Но... у отца были гости... Это препятствие так подействовало на композитора, что он, бросившись на свою постель, заплакал... Быстрота, с которой была написана опера, поразительна. Она была закончена в семнадцать дней...»

Неужели одна лишь неизбывная любовь Рахманинова к Пушкину взорвала в нем неведомый ему еще заряд творческой страсти и в две с половиной недели родила оперу «Алеко»?

Очевидно, была на то и другая, еще более глубинная причина: заговорила кровь предков. В 1896 году в Киеве вышла в свет книга «Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых», из которой явствовало, что Рахманиновы ведут свое начало от молдавских господрей Драгош, основавших Молдавское государство и правивших в нем более двухсот лет в XIV—XVI веках.

Так что Сергей Васильевич Рахманинов — потомственный дворянин, дальний росток свободолубивых, как вольный ветер, молдаван.

Мог ли юный Сережа Рахманинов, потомок «голубых кровей», рафинированный интеллигент в высочайшем смысле этого понятия, мог ли он представить себе в 19 лет, что скоро в его жизнь прочно, глубоко и навсегда — в этом «лучшем из миров», и даже в потустороннем мире — ворвется и останется россиянин совсем иного рода-племени, крестьянский сын Федька Шаляпин, и что оба они составят всемирную славу России, ее национальную гордость, ее национальное духовное состояние и богатство? Могло ли ему привидеться в самом фантастическом сне, что через три десятка лет об этом образно, по-своему, по-деловому Америка устами известного деятеля скажет так: «Россия должна нам много миллиардов долларов, но она прислала к нам Рахманинова, Шаляпина (первыми названы! — Т. Е.), Дягилева и, наконец, МХАТ. Тем самым Россия выплатила нам все долги...»

Подумать только, насколько полярны судьбы Рахманинова и Шаляпина буквально с момента их появления на свет! Сережа Рахманинов воспитывался в семье образованнейших людей своего времени. Уже с четырех лет он начал

Судьба — женщина очень серьезная и решительная: немолимо вела она Рахманинова и Шаляпина параллельными курсами не только к пересечению их вопреки законам геометрии, но и к тому, что вскоре они, эти параллели, сплелись и даже сплелись в прочнейший слиток неопалимой дружбы — душевной и творческой, прижизненной и вечной: сегодня правнучки Федора Шаляпина и Сергея Рахманинова продолжают ее, бесконечную дружбу своих предков — только, к сожалению, не на российской земле...

НАКОНЕЦ, судьба свела Шаляпина и Рахманинова — в Частной опере легендарного Саввы Мамонтова. В 1897 году Мамонтов пригласил к себе Рахманинова вторым дирижером. К этому вре-

ковского, он особенно поощрял меня заниматься Мусоргским и Римским-Корсаковым. Он познакомил меня с элементарными правилами музыки и даже немного с гармонией. Он вообще старался музыкально воспитать меня...»

Но не только музыкальным образованием и «Годуновым» занимался Шаляпин на даче у Любатович. На даче появились и другие артисты и артистки — и среди них итальянка балерина Иола Торнаги и — да еще пусть расскажет сам Шаляпин:

«Живя на даче у Любатович, я обвенчался с балериной Торнаги в маленькой сельской церковке. После свадьбы мы устроили смешной, какой-то турецкий пир: сидели на полу, на коврах и озорничали, как малые ребята. Не было ничего, что считается обязатель-

гда Рахманинов находился за пультом: у него все было точно, осмысленно и вдохновенно» И второй «кадр», который Ирина Федоровна интерпретировала не совсем точно, обозначив его как «размолвку» между Шаляпиным и Рахманиновым. А дело было так.

Сергей Рахманинов написал специально для Шаляпина две оперы — «Скупой рыцарь» и «Франческо да Римини». Впервые обе они были исполнены 11 января 1906 года под управлением Рахманинова в Большом театре. Но Шаляпин в них не выступал. Уже в то время он сумел выработать в своем характере доминирующую черту, которую дружившая с Федором Ивановичем много лет поэтесса и балерина Лидия Нелидова-Фивейская обозначила такими словами:

Лирическое созерцание, философское раздумье, сладкие воспоминания былого счастья любви, муки ревности, жестокая действительность измены Земфиры, опустошенное сердце, разбитая жизнь — такова широчайшая гамма человеческих чувств, которую с потрясающей глубиной и правдой раскрыл в этой партии Ф. И. Шаляпин — он участвовал в постановке «Алеко» в Петербурге 27 мая 1899 года, в дни столетнего юбилея А. С. Пушкина...»

А вот фрагмент из другого высокопрофессионального анализа исполнительских редакций Шаляпина: «Прежде всего обращает на себя внимание масштаб изменений, внесенных певцом в авторский текст. Почти половина вокальной партии этой широко известной арии оказывается в той или иной мере измененной артистом. Эти изменения в основном касаются динамики и мелодического движения арии (в том числе и речитатива)... Из всех возможных объяснений подобного отступления певцом от композиторского текста наиболее вероятным является предположение, что у Шаляпина было иное, нежели у Рахманинова, ощущение эмоционального состояния героя. В то время, как у рахманиновского героя волнения души как бы уже улеглись, и он о них лишь вспоминает, Алеко Шаляпина вновь все переживает, он оказывается целиком во власти стихийного чувства. Думается, что певец ближе в данном случае к той «правде чувств», которую он так настойчиво искал.

Сергей Васильевич Рахманинов, конечно же, затаил дыхание, воспринимал своеобразное прочтение Шаляпиным вокальной партии Алеко — и принял интерпретацию великого артиста с восхищением, записав вскоре после спектакля 27 мая 1899 года: «Алеко от первой до последней ноты пел великолепно... Солисты были великолепны, не считая Шаляпина перед которым они, как и другие, бледнели. Этот был на три головы выше их. Между прочим, я до сих пор слышу, как он рыдал в конце оперы. Так может рыдать только или великий артист на сцене, или человек, у которого такое же большое горе в обыкновенной жизни, как и у Алеко».

СЕРГЕЙ Рахманинов посвятил Шаляпину пять романсов — вот эти: «В душе у каждого из нас», «Воскрешение Лазаря», «Ты знал его», «Обручник» и самый примечательный из них — «Судьба» на слова Алухтина. Лейтмотивом этого романса Рахманинов взял олицетворяющую образ судьбы знаменитую тему первой части Пятой симфонии Бетховена.

Дальняя родственница и большая друг Рахманинова — Людмила Ростовцова — так рассказывает об одном домашнем концерте двух гениальных друзей — Шаляпина и аккомпанировавшего ему Рахманинова: «Помню высокую фигуру Шаляпина около рояля... Он поет, и я вижу, как у Сережи делается особенное выражение лица. Видно, исполнение Федора Ивановича доставляет ему наслаждение, а его аккомпанемент вдохновляет Шаляпина. Они исполняют целый ряд романсов... Под конец Шаляпин поет «Судьбу» Рахманинова. Его фразировка этого романса потрясающая. От возгласов судьбы «Стук! стук! стук!» — слушателям становится жутко. А последнюю, любовную часть он поет с такой страстью, в голосе звучит такое упоение любовью, и вдруг опять это страшное: «Стук! стук! стук!» От сильного переживания все присутствующие во время как бы оцепенели. Счастливы те, кому удалось слушать этих гениев в домашней обстановке...»

Том ЕМЕЛЬЯНОВ.

«ФЕДОР ШАЛЯПИН И СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ: БРАТЯ ПО ДУХУ И ПО СУДЬБЕ»

ФРАГМЕНТЫ ИЗ СЦЕНАРИЯ ПЕРВОЙ СЕРИИ РАДИОФИЛЬМА

заниматься музыкой. Первой учительницей музыки была его мать. Сереже еще не было и пяти лет, а он уже мог играть с дедом (Аркадием Александровичем) в четыре руки.

Затем — Петербургская, а немногим позже — Московская консерватория. Встречи с П. И. Чайковским, А. Г. Рубинштейном, игра на рояле в их присутствии. Мир концертов и театров, лицезрение таких знаменитостей, как Т. Сальвини, Э. Дузэ, Дж. Росси... 18-летний Рахманинов весной 1891 года блестяще оканчивает консерваторию по классу фортепиано и обретает диплом пианиста. Через год оканчивает Московскую консерваторию по классу композиции, получает блестящий отзыв комиссии — Аренский, Танеев, Альтани (дирижер оперы в Большом театре) — о своем «Алеко». Совет консерватории присуждает ему Большую Золотую медаль...

А Федор Шаляпин? Вот как начинается его первая книга — «Страницы из моей жизни»:

«Я помню себя пяти лет. Темным вечером осени я сижу на полках у мельника Тихона Карповича в деревне Ометовой, около Казани, за Суконной слободой. Жена мельника, Кирилловна, моя мать и две-три соседки прядут пряжу в полутемной комнате, освещенной неровным, неярким светом лучины... Прядут женщины, тихонько рассказывая друг другу страшные истории о том, как по ночам прилетают к молодым вдовам покойники, их мужья... Под жужжание веретеч начинали петь заунывные песни о белых пушистых снегах, о девичьей тоске и о лучинишке, жалуюсь, что она неясно горит... Иван — это мой отец... Начал выпивать все чаще... Мать тихонько плакала где-нибудь в углу, а потом отец стал обращаться с нею все грубей и, наконец, я увидел, что он бьет ее. Я завизжал, закричал, бросился на помощь ей, но... мне больно попало по голове и по шее. Я... катался по полу — мне ничего не оставалось, кроме криков и слез. Случилось, что отец забил мать до бесчувственного состояния...»

В общем, каждый из двоих — Сергей и Федор — шел своим путем, проходил свои университетские жизни.

мени молодой композитор и пианист уже был известен. И как в свое время Державин Пушкина «в гроб сходя, благословил» — так и Петр Ильич Чайковский, с неослабным интересом следивший за развитием Рахманинова-композитора и удививший ему свою дружбу, однажды полушутливо, полусерьезно сказал ему: «А Вы, Сережа, уже шедевры пишете...» Летом 1893 года Рахманинов написал и посвятил Чайковскому Фантазию для двух фортепиано и готовился сыграть ее в своем концерте. Чайковский обещал быть непременно, но, увы, 25 октября того же года Петр Ильич скончался...

«Со времени поступления Рахманинова в труппу Мамонтова, вспоминала Софья Сатина, — начинается его дружба с Шаляпиным (а Федор Иванович перешел к Мамонтову из Мариинского театра годом раньше Рахманинова. — Т. Е.). Несмотря на различие характеров, искусств, общества, в котором оба вращались, их обоих влекло друг к другу. Оба были молоды, талантливы, любил искусство. Проходя оперные партии, а потом разучивая романсы для совместного выступления в концертах, чуткий гениальный певец подхватывал малейшие указания или совет более музыкально образованного Рахманинова и исполнял вещи так, как только ОН мог это сделать. Рахманинов же, увлекался его исполнением, дополнял его, изумительно аккомпанируя ему. В течение ряда лет москвичи имели возможность наслаждаться неповторимыми, единственными в мире концертами, где два таких артиста выступали вместе и потрясали присутствующих своим неподражаемым исполнением...»

ДРУЖБА Рахманинова и Шаляпина росла, как пушкинский царевич Гвидон, не по дням, а по часам. Много позже Федор Шаляпин вспоминал лето 1898 года, когда меццо-сопрано Частной оперы Татьяна Любатович пригласила своих коллег к себе на дачу в Ярославскую губернию. «Там, — пишет Шаляпин, — вместе с Рахманиновым... я занялся изучением «Бориса Годунова»... Рахманинов... был живой, веселый, компанейский человек. Отличный артист и ученик Чай-

ковскому, он особенно поощрял меня заниматься Мусоргским и Римским-Корсаковым. Он познакомил меня с элементарными правилами музыки и даже немного с гармонией. Он вообще старался музыкально воспитать меня...»

Путру, часов в шесть, у окна моей комнаты разразился адский шум — толпа друзей с Саввой Ивановичем Мамонтовым во главе исполняла концерт на печных вышках, железных заслонках, на ведрах и каких-то пронзительных свистульках. Это немножко напомнило мне Суконную слободу.

— Какого черта вы дрыхнете? — кричал Мамонтов — ...Вставайте, идем в лес за грибами!..

И снова колотили в заслонки, свистели, орали. Дирижировал этим кавардаком Сергей Васильевич Рахманинов.

Дочь Шаляпина, Ирина, вспоминала:

Передо мной лежат четыре портрета Сергея Васильевича Рахманинова, все они разных годов, на трех из них надписи: «Милой моей крестнице Ирине Шаляпиной»... Да, Рахманинов был моим крестным отцом... В прежние времена он избирался из самых близких семье людей — «крестил» и становился родственником отца и матери крещеного ребенка — кумом... Мне кажется, что Сергей Васильевич хотел этим подчеркнуть свое родство с горячо любимым им Федором Ивановичем Шаляпиным...

Однажды в Париже мы собрались у моего брата Бориса — художника. У нас была гитара, и Сергей Васильевич стал уговаривать меня спеть... Был очень настойчив, и петь мне все-таки пришлось. Пела я старинные романсы... В конце спела модную в то время песенку «Бублики», она почему-то очень понравилась Сергею Васильевичу, и в течение вечера он с увлечением напевал: «Купите бублички, горячие бублички...»

Но есть в воспоминаниях Ирины Федоровны «кадры» необычайного, принципиального значения. Во-первых: «Отец говорил, что Рахманинов был единственным дирижером, с которым ему не приходилось спорить. Он мог быть совершенно спокоен, ко-

«безукоризненная честность в отношении искусства». Со всей силой своей натуры любя Сергея Рахманинова, Шаляпин тем не менее не мог лукавить или хотя бы смолчать — он сказал композитору: «Слова Пушкина здесь сильнее того, что ты написал». И еще на вечеру в Римского-Корсакова 4 января 1906 года, после домашнего исполнения «Скупого рыцаря» Федор Шаляпин (он пел партию Барона) открыто сказал, что в этой опере Рахманинова «нет столь органической, неразрывной связи между словом и вокальной мелодией, какая существует в «Каменном госте» и «Моцарте и Сальери». Симфонически развитый оркестр у Рахманинова великолепно выражает общий смысл, обобщенное настроение каждой сценической ситуации. Однако в вокальной линии нет той «лепки слова в звуке», которая так удивительна у Даргомыжского, Мусоргского...»

Шаляпина поддержал Римский-Корсаков «Конечно, музыка оперы очень талантлива... Но в целом почти непрерывно текущая плотная ткань оркестра подавляет голос. Главное внимание композитора — в оркестре, а вокальная партия как бы приспособлена к нему... У Рахманинова... оркестр поглощает почти весь художественный интерес, и вокальная партия, лишенная оркестра, неубедительна: ухо в конце-концов тоскует по отсутствующей мелодии...»

Рахманинов больше всего переживал резкий и прямой отзыв любимого друга Федора, но гениальность их обоих сочеталась с благоволенным отношением к искусству, которое всегда стояло у них выше личных ощущений и эмоций...

История с «Алеко» и Шаляпиным с лихвой вознаградила Рахманинова — хотя Федор Иванович, когда-тошний ученик Рахманинова, сначала удивился, но тут же восхитил композитора своей совершенно неожиданной музыкальной трактовкой партии Алеко.

Александр Оссовский, профессор Ленинградской консерватории, писал: «Ядро всей партии, концертная часть опера Алеко — известная каватина... Какого богатства душевных эмоций полна эта ария.